

18+

ХҮҮН

КАНТЕМИР

Кантемир

XVН

«Издательские решения»

Кантемир

ХҮН / Кантемир — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968107-2

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Я
совсем не уверен, что это хорошая книга. И, если честно, я хотел бы
написать что-то более яркое и живое. Но у меня не вышло. Книга содержит
нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-968107-2

© Кантемир
© Издательские решения

Содержание

«Воспоминание»	6
ХҮН	14
Свет	15
Тьма	21
Свет	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

ХҮН

Кантемир

© Кантемир, 2019

ISBN 978-5-4496-8107-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Воспоминание»

Эту историю я решил написать примерно так: пару дней назад ко мне приехал мой двадцатилетний сын. Этот юноша, наверное, любит меня. Пусть до сих пор и не может простить мне то, что я бросил его мать. Ему тогда было всего пять.

Странно, но, вспоминая ее, вспоминая ее запах, цвет глаз, кожу, бедра, я совсем не могу вспомнить, почему же я женился на ней. Я был юн, беден, дерзок и местами даже красив. Наверное, это самый полный набор качеств юноши для завоевания абсолютно любой девушки. Простите за глупую сентиментальность, но ничего не могу с собой поделать. С момента ее смерти прошло уже три года. И за это время, ее могила стала мне сильно ближе, чем была она сама. Вообще, смерть делает любого человека хорошим (не уверен, что это лучшее слово, но ничего другого я не придумал) – мы как будто не имеем права говорить о нем плохо... Сына зовут Марк. Странное, наверное, имя – никогда не думал, что я назову сына Марком.

Это имя ему досталось задолго до его рождения – да и зачатия, если быть честным -, будучи влюбленными студентами, мы поспорили на одном из первых свиданий, что назовем сына именем проходящего мужчины. И вот – Марк... Какая милая глупость.

А ее звали Анна. Я мечтал о жене с именем Анна. Самое, кажется, трагичное имя. Холодное и изысканное. Мы, наверное, любили друг друга. Анна (я никогда не называл ее Аней) была очень красива. Мы познакомились с ней на последнем курсе института. Она, кажется, была на факультете математики, а я, кажется, – на факультете экономики. Каждый раз, когда мы шли вместе, парни, что стояли рядом, с недоумением оглядывались, пытаюсь понять, как такому неказистому юноше, как я, удалось завоевать столь прекрасную девушку. Самые смелые иногда беспардонно подходили к нам и, почти издеваясь надо мной, пытались закадрить ее. Она даже не обращала на них внимания. Мы шепотом говорили друг другу, что они «глупцы, враги и чужаки» – так мы называли почти всех окружающих нас людей. Мы думали лишь о том, что опаздываем на сеанс очередного французского фильма. Годар, Трюффо... Как это было давно.

А меня зовут Кантемир – сначала я хотел придумать более обыденное имя, но потом понял, что не так много времени мне осталось, и скрывать свое лицо совсем не имеет смысла. Кантемир, Анна и Марк – крохотная, когда-то счастливая неячейка общества... Я почти никогда не вспоминал те времена. Прошло много лет, и только сейчас я понимаю, что, наверное, это лучшее, что случилось со мной. Пусть я так и не могу вспомнить, почему же я женился на ней. Вряд ли только из-за имени.

Когда меня пригласили преподавать в один из самых крупных университетов страны, я сказал ей что-то вроде:

– Слушай, я устал... Я люблю тебя, но, наверное...

– Да-да, я понимаю – все хорошо, не переживай, – перебив, абсолютно спокойно и ровно ответила она. Без истерик и криков. После – взяла мою ладонь, поднесла к щеке, закрыла на мгновения глаза и поцеловала ее.

Она понимала меня. Не думаю, что такая реакция была вызвана и ее желанием расстаться. Вряд ли. Просто она была женщиной. Женщиной. Пятнадцать лет спустя окажется, что больше я никогда не женюсь. А каждое расставание с девушками будет сопровождаться звуками битой посуды, чаще – тарелок (сугубо статистические заметки) ... Я буду стареть, а юной глупой девочке, засыпающей рядом со мной, всегда будет двадцать. Гнусная картинка.

Вся эта бестолковая реальность привела меня к бесконечным воспоминаниям... Как же трудно осознать, что ты все уже потерял. Не осталось почти никого. И все из-за тебя самого... Я сохранил не так много обрывков памяти, но последние три года – после ее смерти – каждую ночь мне снится один и тот же сон, где она в первый и в последний раз допустила меня до своего сердца (как же банально):

Июль. Нежный оранжевый. Розовый. И голубой. Нам каких-то двадцать с небольшим. Она худая, изможденная. Одета в длинную синюю юбку. Футболка. И кеды. В воздухе пахнет лишь ее молодым и нежным телом. Ее тонкая худая ладонь держит меня за пальцы. Иногда, она подносит их своим губам и нежно целует их, напоминая о том, что любит меня. Я и так это знал. Мы дерзко шагаем, доказывая злему миру его бесправие на нашу свободу. Вот-вот солнце зайдет за крыши домов. Я шучу какую-то глупую шутку, и она начинает смеяться. Лучи, точно попадая в ее большие, сейчас прекрасно блестящие глаза, напоминают мне о том, что она моя. Живой и так сильно любимый человек держит меня за руку. Резко сделав нарочито серьезное лицо, она поворачивается ко мне, несколько минут смотрит на меня, будто с укоризной. И вдруг целует. Тут взор моего сна отделяется от тела – теперь я могу видеть и самого себя. У меня роскошные длинные волосы. Грязные, заношенные до дыр на пятке джинсы. Расстегнутая рубашка. Прекрасные мы – стоим и целуемся. Наши руки, минуя глупую одежду, касаются спин друг друга. Люди спуют – кто куда. Оборачиваются на нас. Больше не имея сил стоять на месте, все в том же поцелуе, я толкаю ее к стене здания. И все это как будто длится вечность. Самая лучшая вечность из всех возможных. И невозможных. Облокотившись о стену, она обвивает ногами мое тело... И тут сон обрывается.

Я просыпаюсь в холодном поту. С желанием наконец выдохнуть, я нервно и пристально смотрю на белый потолок своей спальни. Пытаясь отвлечь себя, ищу на нем неровности и шероховатости, высматриваю тени, которые своими огнями порождает ночной город. Когда тревожный сон отступает, появляется пустота. Потом чувство утраты. Гнев. А потом и слезы. Я вдруг начинаю понимать, что она мертва. А я жив. Но никто из нас никогда больше не будет счастлив. Мне становится гнусно от осознания того, что всему этому виной – Я. Преподаватель экономики. Недописатель. Литературный критик. Неудачник-бизнесмен. И глупец.

...Странное начало романа, не правда ли?

Что-то я заговорился. Вчера приезжал Марк и, выпив по стаканчику виски, почему-то мы начали говорить о его матери. Когда я спросил, помнит ли он, что было после того, как я ушел, он ответил:

– Она приготовила мне ужин, уложила спать, а утром я увидел ее уснувшей в кресле. Она придвинула его прямо к окну. Рядом стоял бокал вина, а на подоконнике лежала книга. Кажется, «Милый Друг», – он выдержал большую паузу, – слушай, пап, раз уж ты захотел поговорить об этом всем... Может это и глупо, и бессмысленно, но мне все же интересно – почему ты так поступил? Нет-нет, вообще не так... мне хочется узнать, какая была твоя жизнь, твоя молодость, как ты стал тем, кем являешься (тут он, конечно, перегнул с банальностью, но я не подал виду)? Ты знаешь, сейчас я нахожусь в очень сложной ситуации и совсем не понимаю, как с этим всем справиться.

Тут он прервался. Я вопросительно, немного ухмыляясь, перевел взгляд со стакана на сына. Марк немного нервно продолжил:

– Нет-нет, ничего конкретного. Все нормально. Просто сейчас я пытаюсь найти ответы на абсолютно разные вопросы. Мне никто не помогал понять, что плохо, что хорошо. Никто так и не рассказал мне, что такое честь, что такое достоинство. Я рос не только без отца, но и без матери. После того, как ты ушел, ей пришлось самой платить за квартиру... Пришлось много работать. И я рос в абсолютном одиночестве. Нет-нет, я, ни в коем случае, не пытаюсь тебя обвинять за что-либо... это был твой выбор и, может быть, теперь я даже понимаю, почему ты так поступил. Просто я совсем ничего о тебе не знаю. Я никогда не видел свою бабушку. И никогда не видел своего дедушку. Даже их фотографий мне так никто и не показал. А каждый раз, когда я пытался спросить у мамы, как вы с ней познакомились, она говорила, что расскажет потом. Теперь у меня есть только ты.

Я был в растерянности.

– Марк, обещаю тебе рассказать обо всем в следующий раз, – этот трюк я, по-видимому, украл у его матери, – но сейчас я совсем не готов... Кстати, ты читал «Милого Друга»...

Так и закончился, толком и не начавшись, этот первый тяжелый разговор отца с сыном, который я, как всегда грамотно, перевел на какую-то бессмысленную болтовню. Проводив его до такси (машину он оставил на стоянке), расцеловав его как только мог и вернувшись домой, я сел на табуретку в прихожей и посмотрел в зеркало, что висит напротив. Вдруг я с ужасом осознал: мне совсем нечего ему сказать. Я преподаватель экономики, был женат, разведен... Написал несколько глупых, бульварных романов – вероятно, из-за одиночества и кучи свободного времени. А больше ведь ничего и не помню. Помню лишь, что запретил своей матери видеться с внуком. Помню, что отец не захотел издеваться над ее чувствами и отказался от встречи с Марком, пока его не увидит мать. Их уже не стало. Их всех уже не стало... Помню, что был ужасным сыном. Помню, с раннего детства посещал психотерапевтов, был одиночкой и отличником. И даже это немного скорее похоже не на воспоминание, а на сумрачный туман. Я не помню. Не помню ни одного яркого момента из своего детства. Не помню, как мама читала мне на ночь сказку. Не помню, как папа водил меня с собой на какое-нибудь излишне мужское развлечение – скажем, футбол. Не помню. Я не помню. И, вполне возможно, не помню лишь из-за того, что всего этого не было.

Я понял, что, уже, по меньшей мере, пройдя две трети своего пути, не могу ничего рассказать о себе единственному живому близкому, а самое главное —, видимо, нуждающемуся во мне, человеку. Я точно знаю, что Марк – это совокупность огромной боли, которую принесли ему разные люди, и комплексов, которые последовали за болью. Более того, я знаю, что каждый человек – это совокупность боли и комплексов. Боли, комплексов и предательств. Что, по большей степени, одно и то же.

Напротив зеркала я просидел до самого утра, полностью опустошив бутылку «Jim Beam» и пачку «Camel». Как вдруг в полудреме, вспомнил, что в юности, влюбившись в одну девушку, которую возбуждала литература, я написал какую-то глупую книжку (факт изданной книги был для нее веской причиной отдаться автору, если в твердой обложке – то в любой позе). Забавно.

Это, конечно, очень смешно, но я точно помню, что писал ее. Я, кажется, даже относил эти великие письма в издательство. А вот дальше ничего не помню. Конечно, эти гениальные труды никто не напечатал, но сейчас вдруг это стало важным и даже обрело смысл. Может быть именно там я и смогу отыскать свое прошлое.

Кстати, да: с этой девочкой я все-таки, кажется, спал.

Как бы банально это ни прозвучало, прошлое меня совершенно не интересует. Мне просто хочется хотя бы раз сделать для Марка что-то и вправду стоящее. Подвиг. Мне пятьдесят. В этом возрасте редко свершаются подвиги. Плохо может отразиться на суставах. Но попробовать уж точно стоит. С суставами как-нибудь разберемся.

Проспав на табуретке пару часов, я проснулся крайне свежим, воодушевленный идеей заполучить утраченное воспоминание. Неспешно прогулявшись до магазина за табаком и минералкой, я сел за письменный стол, провел рукой по сукну, поджег сигарету и выпитывал августовский восход. Прекрасная картина. Я чувствовал сладкий вкус предвкушения. Позволив на работу, я сказал, что беру отпуск на неделю. Это было впервые – и никто даже не стал возражать. К тому же, меня там любили и уважали: как студенты, так и преподаватели. А может и нет – если честно, мне все равно.

К тому же, сейчас каникулы и на работе все просто пьют чай, без конца обсуждая женщин, если речь идет об одиноких мужчинах; и мужчин – если речь идет об одиноких женщинах. Я всегда смотрел на это с непониманием, но умилением.

Позвонив на работу, я просидел в кресле еще около часа. Давно я так не был счастлив. Солнце, сигареты. Я взял одну из них – белая бумага, желтый фильтр. Я долго смотрел на нее. Такое чувство, что это не просто так... Очень много лет я курю одни и те же сигареты. Почему?

Я всерьез задумался над этим, но так ни к чему и не пришел... Глупость какая-то – слишком много мыслей об обычной сигарете.

Издавательски улыбаясь своим конспирологическими нападкам, я встал с кресла, посмотрел в окно – люди, люди, люди. Они повсюду. И за каждым из них стоит какая-то история. Множество предательств, обманов, обьятий, партнеров. Этот список бесконечен. И каждый из нас все равно думает лишь о своей истории, либо об истории человека, в которой он принял участие. Вряд ли у меня получилось складно объяснить свою мысль – я и не преследую этой цели.

Снова встав перед зеркалом, я начал думать о том, где же раздобыть ту книжку. Думать пришлось не так долго. Я отыскал в социальных сетях своих однокурсников. Потом – еще каких-то. В итоге долгих и занимательных поисков, приправленных злорадным или умили-тельным интересом к нынешней жизни людей, которые когда-то были моими друзьями, у меня в руках оказался домашний номер Юлии. Номер той самой девушки, имеющей на редкость сильную любовь к литературе.

В тот момент, когда я набирал в телефоне номер с кодом давно забытого, но любимого города, у меня дрожали руки. Много лет я день изо дня пытался стирать все то, что со мной происходит. Каждый вечер я научился моментально забывать о том, что произошло днем. Так легче. Хочется просто жить. И сейчас, в факте существования этих цифр таилось так сильно и тщательно отрицаемое прошлое. Как бы то ни было, все эти эпитеты оказались абсолютно беспочвенными. Телефон никто не взял. Не взял и через час, и через два. Последний звонок я сделал следующим утром.

Ничего страшного.

За эти годы я перестал быть излишне чувствительным и эмоциональным. Не самая престижная работа, небольшой и редко прибыльный бизнес, любовные неудачи и многое другое научили меня тому, что мужчина, вероятно, – это то существо, что обязано найти выход. Иначе виски себе не купишь. А без виски и жизнь не мила.

Снова погрузившись в поиски прошлого, я смог раздобыть адрес Юлии. Адрес той самой девушки.

Тем же вечером я взял билет на скоростной поезд, а утром уже вышел с вокзала, который когда-то был для меня предвестником какого-то нового путешествия.

Дома, в котором я когда-то жил, уже нет. Как нет уже и всех его обитателей. Кроме меня.

Время рушит архитектуру, попутно нечаянно избавляясь и от людей.

Я зашел в кафе. Милая девушка за баром великолепно улыбнулась мне. Подумал: «Заигрывает». Потом: «Да она тебе в дочери годится». А после: «Так ты и спишь-то только со студентками, дурень». Мысли эти никак не отразились на моем настроении – кофе все-таки был хороший. Кроме меня, в небольшом зале сидели юноша с девушкой – лет по восемнадцать, думаю. Из своего угла я пристально наблюдал за ними, а влюбленные были так заняты друг другом, что совсем позабыли о том, что они здесь не одни. А может – им было просто наплевать на всех. «Глупцы, враги и чужаки». Как бы то ни было, в какой-то момент рука мальчика, что во время поцелуя касалось ее шеи, оказалась чуть ниже живота девочки. В этот момент я подавился и закашлял. А потом продолжил смотреть на них с огромным интересом и широкой улыбкой. Наверное, когда-то я прожил и это.

Витрина кафе выходила на проспект. Прекрасное зрелище. Я будто бы существовал – до сих пор существовал – в каждой улочке, в каждом канале и шпиле этого города. Путешествие за прошлым уже было оправдано. Шурясь от солнца, я утопал в воспоминаниях о первой драке, первой любви, первом сексе. Ничего конкретного уловить в этих кадрах так и не сумел, но до сих пор я жил с мыслью, будто всего этого и не было. Я не помнил лица, имена, стилей одежды и музыки. Не помнил уже ничего. И – конечно же – я не так стар, чтобы просто забыть об этом. Мой возраст все еще вроде именуют зрелостью. Но я же уже говорил, что почему-то

всегда жил с желанием забыть свое прошлое. И до сих пор я совсем не знаю, какие были на то причины. Точнее, я и это забыл... Странная, в целом, картина. Я бродил по городу, дотрагиваясь до парапетов, стен. Пытаясь кончиками пальцев коснуться самого себя в свободном состоянии. И мне это удавалось.

Люди, что вальяжно и будто нехотя переставляли свои ноги, произносили непонятные мне слова. Их одежда, прическа, повадки сильно отличались от того, что хранила моя память. Я не мог связать знакомые мне ветхие здания, улочки и проспекты с теми, кто по этим улочкам и проспектам шагал. Вельветовые, шерстяные и твидовые вещи превратились в какую-то спортивную вакханалию. И архитектура своей ржавчиной и трещинами, будто бы жаловалась на это.

Пройдя еще несколько кварталов, купив пачку «Camel» и выкурив две сигареты, я оказался в парадной, где была квартира Юлии. Я долго стоял у двери, с ухмылкой занимая себя игрой: «Угадай, насколько она стара». Сначала, конечно, я попытался вспомнить то, какой она была в институте. Рыжая, кудрявая, красотка. Составить я сумел лишь эту скудную характеристику. Но потом я вспомнил себя тогдашнего и себя нынешнего. Стало немного грустно. «А вдруг она совсем не изменилась; сильно ли она потолстела; обвисла ли грудь?». «Да конечно обвисла» – с хохотом произнес я.

Все. Я нажал на дверной звонок. И дверь открыла изможденная сухая старая женщина. Лицо ее было бесчувственным, но никак не злым. Я попытался создать интригу – не знаю, вышло ли у меня. Это была ее мать.

Как только я сказал, что я старый друг Юлии, женщина, резко повеселев, впустила меня в квартиру. Забытый запах – что-то между борщом и лыжной мазью – открыл во мне детское желание, не слушаясь маму, кататься по дому на трехколесном велосипеде. Но сейчас, полагаю, это бы выглядело странно. Убранство квартиры было очень скромным – время здесь застыло. И снова воспоминания... Но сейчас не об этом.

– Ну рассказывай, чего пришел?

Объяснить это все ей стоило мне огромных усилий. Женщина вообще не могла поверить тому, что я приехал сюда за какими-то бумажками почти тридцатилетней давности. Но все же, выслушав меня и вроде поняв, зачем я оказался в ее доме, она сказала, что Юля здесь не живет уже много лет – уехала доченька с каким-то иностранцем.

После – меня ждали очень долгие и малоприятные слезы забытой дочерью матери. Будто ненароком выронив купюру (чтобы хоть как-то отблагодарить старушку), я сказал, что очень тороплюсь и пошел к выходу. Нагнувшись надеть туфли, я оказался лицом к лицу с письмом, лежащим на полу. Письмо было запечатано. На конверте я с трудом различил, куда-то сильно наклонившиеся английские буквы... «George».

В общем, конверт этот я распечатал в кафе:

Мама,

Прости, что давно не писала. Я очень извиняюсь и чувствую себя виноватой, но так уж получается.

Представляешь, мы сейчас живем в Венеции. Здесь очень красиво, мама. Жаль что я не могу показать всей этой красоты. Знаешь, Джордж очень хороший, я вас обязательно познакомлю при других обстоятельствах. Он совсем не такой, каким показался тебе в тот раз. Конечно, иногда он бывает вспыльчив – но он же поэт, понимаешь.

И прости, что не могу тебе ничем помочь. Сейчас у нас небольшие финансовые трудности.

Целую. Я очень скучаю.

Твоя старая дуручка Юля

Прочитав это письмо, я долго смотрел вдаль, думая о том, какая же жалкая у меня жизнь. Каждый вечер я, выпивая по сто граммов виски, пьянею и засыпаю. Утром, нехотя выползая

из под одеяла, я сажусь за письменный стол и выдаю тысячу слов низкокачественной литературы. Или критики на низкокачественную литературу. Собираюсь на работу. Еду за рулем старой машины. С заднего сиденья достаю старый кожаный портфель. Сажусь на парту преподавателя (этим самым пытаюсь показать, что я очень даже крутой и совсем не старый – жаль только, что и студенты, и я понимаем, что это не так) и говорю изо дня в день одни и те же слова одним и тем же юным существам. Иногда эта грустная картина разбавляется какой-нибудь чрезмерно молодой красоткой. Точно такой же, как и все остальные. Сидя в ресторане, я говорю ей заученные фальшивые нежности. Заказав такси по давно знакомому номеру, привожу ее к себе. На заднем сидении она делает все то же, что и ее предшественницы. Распахнув дверь, снова имитирую безумную страсть. Распахнув ее платье... Вижу все то же. Одно и то же. Систематизированная катастрофа.

А она в Венеции. «Через несколько часов я тоже буду в Венеции» – уверенно сказал я себе. И не соврал.

Сидя в самолете, я задумался: за годы однообразной жизни все, что было хоть чем-то значимым, – было значимой покупкой. Помню, как я преисполнялся гордости перед самим собой, когда подарил Марку машину. Помню, как полетев в Индию, в страну, в которую очень долго мечтал попасть, я жадно скупал все, что появлялось на моем пути. Но я совсем не ощущал радости. Я упивался возможностью это купить. И даже сейчас, взяв билет в Венецию, я сразу подумал: «Какой же ты безбашенный! Старик, ты крут».

Второй раз за день я понимаю, какое же я жалкое создание. Как много комплексов, оказывается, таится во мне. До сих пор эти мысли ни разу не посещали меня. Интересно, был ли я таким же раньше? Надеюсь, что нет.

Венеция встретила меня густым туманом и сыростью. Прилетел почти на рассвете. До города пришлось еще долго добираться на автобусе. Улочки были пусты, каналы – бездвижны. Лишь редкий статный пожилой мужичек, держа за спиной газетку, проходил мимо меня, учтиво наклоняя свою голову, прикрытую старомодной шляпой. Все кафе закрыты. И я бродил по бесконечным мостикам, улочкам и набережным. Мне кажется, до этого я не чувствовал ничего подобного – полная, бесконечная свобода. Все, что вокруг – принадлежит лишь тебе. И только смерть одного из вас – твоя смерть или смерть города – ограничивает свободу. Настолько ужасно, что ужасно великолепно.

Закурив сигарету, и облокотившись о каменную стену, я услышал редкое цоканье каблучков о брусчатку. Звуки были не ритмичны, но с каждым разом они становились все громче. Как вдруг из тумана вышла прекрасная женщина – чуть младше сорока, наверное. Она была очень красива, и даже предательская шея, которая обычно и выдает возраст, была изящна. Кожа ее была загорелой, с небольшими хаотично расставленными темными точками. Лицо – тонкое и изящное, а строгий взгляд ее отражался в излишне больших для этого лица глазах. Короткие волосы выдавали в ней сильную натуру. Она бросила на меня уверенный (может даже и надменный) взгляд. И стук каблучков о брусчатку через несколько мгновений сошел на нет. Я бездвижно стоял и курил, долго наблюдая ей вслед. Девушка исчезла. Но оставила после себя воспоминание. Наверное, любая женщина, входящая в нашу жизнь, делает точно так же. Куда же она, интересно, идет в столь ранний час? Не имея никакой надежды, да и желания ее встретить, я все равно пошел в ту сторону, куда пошла она. Размеренными шагами, всматриваясь в каждую неровность, в каждое убитое сыростью здание, я бродил с непониманием того, почему я увидел это только сейчас. Почему только сейчас?

...

Если ты поверил в вышенаписанные басенки, то, знай, тебя наебали. А, если тебе это еще и понравилось, то ты безвкусный пирожок.

Я страшнее вас всех.

Меня и вправду зовут Кантемир. Мне двадцать. Может быть, двадцать три. Каждый день я начинаю с антидепрессантов. Каждый день я начинаю с саркастичной и нервной ухмылки. Каждый день я дрочу примерно три раза. Каждый день я ненавижу вас.

«Звучит крайне карикатурно и неестественно» – скажет критик. «Пошел нахуй» – отвечаю я.

Если честно, я все же хотел закончить этот банальный мыльный рассказ, где меланхоличный старичок, отправившись в путешествие за «утраченным прошлым», оказывается в Венеции. И в этой самой Венеции, зайдя в небольшой обветшалый бар, он встретил любовь своей юности. Они бы конечно очень долго говорили о том, как много времени прошло. Она бы восхищалась его силе духа, благодаря которой он оказался здесь. Она бы умиленно смотрела на него, а он, как, конечно, и следует прожженному искусителю, игриво поднимал бы свои бровки. В отсутствие мужа этой женщины, они бы конечно выпили немного вина, их речи становились все более и более нежными – и при хорошем настроении моего духа – они бы обязательно потрахались. И наутро она, в страхе от того, что придет муж, выпроваживая его, вручила б ему обветшалой бумаги рукопись. Он бы прослезился, увидев помятую обложку той самой книги.

И вот уже там бы я оторвался на славу.

Но все не так. Я подустал представлять себя этим жалким бесхребетным существом – уже не мог примерять на себя его дорогие твидовые вещи и дешевые банальные мысли. Мне двадцать. И, если честно, я совершенно не представляю, как жить эту жизнь. Но уверен в том, что жить эту жизнь так, как этот персонаж, – достаточно жалкое зрелище. И, самое главное, что жить эту жизнь так, как мои современники (то есть, такие как ты) ничем не лучше.

Мне так много хочется вам сказать, но так не хочется с вами говорить.

Люди... Вы великолепны, но, кажется, вы об этом забыли.

Вы все проебали – абсолютно все. До последней нитки.

«Ой-ей-ей-ей-ей-ей-ей, какой бедный мальчик – его кто-то обидел! Ну как же так, Кантемирушка! Ты совершенно не приспособлен к этому миру! Мы просто живем. Не очень много думаем. Работаем там, спим. Целуемся, когда приспичит. Заводим отношения, чтобы было с кем потрахаться. Мы счастливы! А тебя мы будем жалеть – потому что ты жалок, Кантемир. Правила игры очень просты – стоит их просто принять. Работать, спать, целоваться, трахаться. И все это – когда тебе будет нужно. В этом прекрасном, великолепном мире для каждого найдется и работа, и кров, и объятая, и пизденка. Поверь! Мы живем в богадельне. Все доступно. Все, что захочешь. Не стоит пытаться думать о каких-то возвышенных вещах. Жри, спи, работай, ебись – все на расстоянии вытянутой руки. Лучшие из нас зарабатывают большие деньги, спят в прекрасных квартирах, целуют объемные перекаченные ботэксом губы и суют свой член в самые нежные киски, обрамленные прекрасными попками. Главное – это удобство. Удобство и эффективность. Удобство, эффективность и простота! Мы повторяем тебе: не задумывайся над смыслом всех этих действий, в обратном случае ты рискуешь прослыть ненормальным. Сумасшедшим. Будешь ходить к психотерапевтам – они назначат тебе лечение. И, если тебе очень повезет, ты наконец сможешь стать достойным членом нашего великолепного общества. И мы тебя полюбим... А пока что – ты нам не нравишься...»

«Идите смотреть футбол – наши играют» – отвечаю я.

...

Ладно, слишком уж много спеси. Я, на самом деле, не такой.

Да и дрочу я почаще.

Наверное, стоит немного рассказать о том, как я решил написать эту книгу. Пару дней назад поздно вечером мне позвонил один богатый дядя. По совместительству – мой взрослый друг. Мой проводник в мерзкий омут реальности и капитализма, что, по сути, одно и то же. Он мне нравится тем, что обладает интеллектом и вкусом. Почти все, что он говорит, – заве-

домо ложь: поняв, как зарабатываются деньги, он еще в юности решил, надев тысячу масок, полностью игнорировать размышления о высоком —,наверное, в этом и таится ключ к успеху. Однако, сам я этого принять все еще не могу. Не могу принять и то, что люди называют успехом. Я поделился с ним рассказом, который я написал пару дней назад — он решил рассказать свое мнение.

– Вы знаете, Кантемир, это талантливо. Однако вам не хватает академического представления о литературе. Есть большие проблемы с драматургией... Если хотите, я могу вам помочь с поступлением в театральный ВУЗ – у меня там есть знакомые.

– Николай Александрович, я уже не раз вам говорил, что мне трудно разговаривать с людьми. Ежедневно находится в кругу глупых коллег, школьных друзей, которые вечно пытаются меня найти, – все это мука для меня, а вы мне предлагаете обзавестись еще и кучкой надменных подростков, что возомнив себя богемой, задирают свои юные острые носы.

– Ну, можно же перебороть себя, Кантемир

– Вы, конечно же, правы. Но, когда вы позвонили мне, я с огромным удовольствием распивал вторую бутылочку не самого плохого вина. В своей скромной пустой квартирке. Здесь холодно и сыро... Но, как бы здесь ни было плохо, среди людей мне еще хуже.

– Все-все-все. Опять включаешь банального романтика. Давай так, смотри: каждый раз, когда мы встречаемся, ты, закрыв глаза, начинаешь рассказывать истории из жизни – о всяких путешествиях, о девчатах, которых когда-то любил. Я знаю, что у тебя есть какие-то проблемы – ты рассказывал... Да это и так видно. Тебя, видимо, гнетет твоя же собственная память. Так вот: попробуй написать книгу. Я знаю, у тебя получится. За последний месяц ты прислал мне три рассказа и одну пьесу. Знаешь, такой плодовитостью отличается отнюдь не каждый писатель. Если ты оставишь на бумаге свою память, она – в свою очередь – оставит тебя в покое. Уверен, тебе это поможет. Если ничего не получится – ну, что тут поделаешь. А если получится – больше не придется ходить в офис и общаться с ненавистными тебе коллегами... Ну как тебе это?

Засмеявшись, я, конечно, сказал, что до писателя мне очень далеко, и вряд ли из этого что-то выйдет.

После звонка, восседая на своем скрипучем троне (старое кресло, купленное на барахолке) и все-таки задумавшись над тем, что предложил мне мой старший товарищ, я вдруг понял, что все, что я когда-либо читал – от самых гениальных вишневых садов до дешевых Мартинов Иденов, все это – продукт линейного (иногда очень оригинального, но все же линейного) мышления, или, в обратном случае, – какая-то полнейшая чепуха. Продукт правильности. Той самой правильности, которой настойчиво пытаются меня кормить все, кому не лень. Той самой правильности, которую я потом настойчиво пытаюсь не самыми гигиеничными путями извлечь из своего тельца. Проще говоря – блюю.

Здесь не будет ничего аппетитного, поверь. Здесь буду я.

Прошу, забудь о моей маленькой шалости с этим стариком. Блять... суконный стол, виски, Венеция... – это я, конечно, загнул. Забудь о понимании банального, пошлого, неуместного и мерзкого. И открой свое сердце тому, что будет дальше. То есть – открой свое сердце мне.

...

ХУН

*Когда ты умерла
Я трижды подходил к
Кладбищенской оградке
Но не посмел ступить внутрь
И рыдать над твоею могилкой*

*И самое ужасное
Это видеть тебя мертвую
Шагающую по улице
Или кривящую улыбку
Ненужным людям*

*И самое ужасное
Это видеть тебя мертвую
И понимать, что не умер с тобой
Что я жив и живу
Эту жизнь за двоих*

*Нет, самое ужасное
Что ты мертва*

Я хочу жить. Хочу сидеть в комнате с пропахшими дешевым табаком стенами. Стены черным маркером расписаны цитатами любимых героев из книг, а на экране – очередной французский фильм. Да, хочу смотреть французские фильмы несколько раз в день. Хочу слушать джаз, попутно, пытливым взглядом, изучая нагое тело едва знакомой девушки, которая дерзко смотрит на меня, пока я, неустанно опускаясь, целую ее живот. Хочу задышаться от невозможности вместить в легкие столько дыма, сколько хочется туда вместить. Гуляя по городу, я хочу громко петь свою любимую песню и танцевать, представляя себя на сцене, стоящей по центру огромного стадиона. Хочу любить. Просто любить. Любить женщину. Любить мужчину. Я хочу жить.

И самое ужасное, что все это со мной когда-то было. Все это я попробовал. И все это мне нравилось. Все: от безумных танцев на тротуаре – из-за них люди обычно цокают и качают головой, до джаза – джаза, приправленного юным телом девушки, лежащей рядом. Я обожал просыпаться и ненавидел засыпать. Но одно происшествие заставило меня изменить себе и скрыться в пучине нормальности. Но об этом позже.

«А чего же ты хочешь сейчас?» – сейчас я всегда хочу спать и хочу, чтобы сраный рабочий день поскорее закончился. Завтра снова на работу. Хочу научиться водить машину. Хочу купить квартиру. И еще хочу сдохнуть поскорее. Тут уж не до танцев. Хочу забыться, раствориться, исчезнуть. Хочу, чтобы парень, работающий за соседним столом, не пытался шутить свои блядские шутки.

И хочу, наконец, избавиться от прошлого, которое гнетет меня своей смелостью и невозможностью ее повторить. И от паранойи. И от вечного самоанализа. От них тоже очень хочется избавиться. Но ничего не выходит.

Лишь рассказы, пьесы, сказки, которые я, после невыносимого дня, пишу, лежа в постели, делают мое существование не таким блядским. Но, правда, все они написаны мной. А значит, написаны плохо.

Но сейчас не об этом.

Свет

Вообще, странно это все. Что-то идешь куда-то, смотришь вокруг. А тут, оказывается, прекрасная жизнь. Если б не сказали, я бы и не понял, если честно. Вышел из дома и тут солнце. Непонятное, конечно, нечто. Но все же приходится мириться. Светит себе что-то постоянно. И будто ждет от тебя умильной улыбки с прищуренным глазом. И ты должен, конечно, подумать: «Как красиво... Солнце!». Но этого я не сделаю.

Постоянная борьба моего взгляда с бессмысленным и часто удручающим пейзажем приводит глаз к слезе. Постоянная борьба разума с бесконечными и шаткими мирскими устоями приводит меня в бешенство. И мне приходится как-то с этим жить. Крайне тяжелое, словом, бремя.

Я смотрю на людей. Их много. Их очень много. Они все чего-то хотят. Они все куда-то идут. Пытаются вырваться, чего-то достичь. Наконец закончить университет, чтобы получить достойную заработную плату. Наконец купить себе двухкамерный холодильник – «Понимаешь, он очень мне нужен!». Все-таки забраться под юбку той нежной знакомой, которая постоянно мозолит глаза. И ладони. Да, ладони мозолит особенно.

История бесконечных желаний и достижений. Это и есть человек. Только благодаря этому мир до сих пор не разрушился. Люди, вечно желая себе лучшей жизни, пытаются к ней все-таки прийти. Пытаясь все же задрать эту блядскую юбку, они попутно открывают континенты, создают самолеты и повышают валовый продукт.

Наверное, это прекрасно, но, если честно, мне сложно об этом судить. Крайне сложно. Все размышления мои – плод бесконечного и слишком болезненного наблюдения за вами. Я жадно глазею на ваши жизни, в желании понять, зачем же вы их живете. И до сих пор я этого не понимаю. Я просто смотрю на людей – они для меня что-то вроде диковинных зверушек. Очень, кстати, странные зверушки.

Люди ходят на выборы, посещают церковь, навещают родителей, курсы повышения профессиональной квалификации. Кто-то собирается в клубах по интересам – собаководы, киноведы, алкоголики, танцоры... И все идут куда-то, как будто, так и надо. Люди имеют гражданскую позицию, религиозные чувства, люди создают себе кумиров, ходят на концерты рок-звезд, открывают для себя плетение бисером. Люди ебутся. Смотрят порнуху. Пытаются открыть в своих детях талант в рисовании, в математике, в шахматах. Бесконечно глазею на идеалы красоты, пытаются похудеть – как можно быстрее и безболезненнее... Вы смотрите телешоу, следите за новостями. Славите власть. Проклинаете власть. Бойтесь за будущее. За свой ебанный капитал. Трясетесь в агонии, желая купить какую-то вещь. Целуете своих скрипящих смешными суставами бабушек, что вот-вот уже сдохнут от старости. Обнимаете за талию своих женщин. Восхищаетесь архитектурой, отличаете барокко от неоклассицизма. И в целом – живете жизнь.

Полную, бесконечную, прекрасную жизнь.

По вечерам собираясь на большом диване, вы обнимаете друг друга. Говорите прекрасные вещи. Ваши дети будут вас любить. Они тоже станут честными людьми, и тоже будут учиться плести бисером и целовать скрипящую суставами бабушку, которая от старости уже ни черта не понимает.

А я смотрю на вас, стоя рядом, опершись о дерево. Не понимая, зачем вам это все нужно.

Но, знаешь, я уважаю тебя. Я уважаю твою бабушку, твои политические взгляды. Твои религиозные чувства. Я уважаю снег, уважаю плетение бисером. Уважаю твой труд и твой капитал. И все же не понимаю, почему тебе все это важно.

В целом, я слишком жалкое существо, чтобы иметь хоть какое-то право учить тебя чему-либо. Ты прекрасен. И, уверяю тебя, целовать бабушку – великолепный вид отдыха. Ново-

годние подарки. Общество близких и друзей – это прекрасно. Просто у меня никогда этого не было.

Но, знаешь, почему я вообще начал эту болтовню? У меня есть робкое чувство, что тебе все это продали. Просто-напросто втюхали идею идеальной жизни. Продали абсолютно все: любовь к твоей скрипучей бабушке, к ведру говна, что называют политикой. Тебе продали секс, продали барокко. Продали плетение бисером. И ты все это купил. И даже не задумался. Просто не принято задумываться. В конце любой твоей страсти стоит покупка. А зачастую – и в самом начале страсти стоит покупка. Потребление. Ты, я уверен, один из тех людей, что перед тем как начать бегать по утрам, покупает кроссовки. И это нормально. Это удобно.

Но бегать, как и все обладатели новых кроссовок, ты так и не начнешь.

Ну а хули – зачем пытаться думать об истинности тех или иных мерил и норм, если пытаешься им противоречить, на тебя кричит мать. А потом учитель. А потом начальник. Они все будут говорить: «Поцелуй бабушку, ублюдок!», что будет значит: «Купи же наконец наши кроссовки – и не рыпайся, сученок!».

И ты купишь кроссовки. Купишь.

И бабушку тоже поцелуешь, будь уверен.

И в этом нет ничего плохого. Я уважаю тебя. И иду по проспекту. И все наблюдаю за людьми. Все-таки прекрасные создания. Пожалуйста, не принимай мои слова всерьез – все это глупости. Я всего лишь ворчу на ваши жизни. А сам не живу. Жизнью это назвать нельзя.

Детишки – маленькие и глупые – это качество они переняли у родителей – бегают туда-сюда. Беспричинно виляя своими маленькими попками, что крепятся к пухленьким ножкам розового цвета. Кричат друг на друга. Те, что постарше и посильнее, бьют тех, что помладше и послабее. Они еще не понимают, что так будет всю жизнь.

С какой-то определенной периодичностью один из детей падает с качелей или бьется головой об какую-нибудь железяку. Его мать моментально подбегает к нему. И, небрежно и грубо поднимая его с земли, почему-то кричит на него. Хотя он ни в чем и не виноват. Первый пошел. За ним его мать. Второй. Третий. Конвейер насилия.

Хотя удивляться тут нечему. Два человека очень уж хотели поебаться. Поебались великолепно. И вот тут бегают Денис.

Я сижу на лавке. От детской площадки меня отделяют кусты. Из своего укрытия, я, вальяжно покуривая сигарету, наблюдаю за их желтыми ртами. Пока они, сами того не зная, проживают лучшие мгновения своей жизни, матери их пылко обсуждают последнюю серию какого-то сериала. Ебаного, полагаю, сериала... В целом, они выглядят счастливыми.

Детство не вызывает у меня теплых воспоминаний. Точнее, вызывает омерзение. «Убей своего отца» пронеслось у меня в голове. Забавно.

В самом углу детской площадки я увидел маленького мальчика, стоящего у дерева. Вдалеке от всех. Он катал свой самосвал вверх и вниз по стволу дуба. Долго и неустанно он продолжал делать одно и то же, своими крохотными губками имитируя звук мотора. Бввввв... Я закрыл глаза. И вот мне десять лет.

Чавканье отца. Крик матери. Если честно, в этом было мало приятного. Я свято верил в то, что родители мои делают все правильно. Я был отличником. Каждая высшая оценка была плодом страха. Страх, что меня будут бить. Или кричать. В целом, одно и то же.

Когда меня били или когда на меня кричали, я думал, что так и надо. Что это само собой разумеющееся. Каждый раз, когда я говорил: «Зачем вы меня бьете? Вот у Лешки не такие родители!», в ответ я слышал: «ЭТО ТЫ ТАК ДУМАЕШЬ! ВСЕ ТВОИ ОДНОКЛАССНИКИ – ДЕТИ НАРКОМАНОВ И АЛКОГОЛИКОВ. ИМ ДАЖЕ ЕСТЬ НЕЧЕГО. ВОТ ТЫ СВИНЬЯ! ЕЩЕ И ЖАЛУЕТСЯ, ГАДЕНЬШ. ЧЕТВЕРКУ ОН ПОЛУЧИЛ... Ты хочешь, чтоб над нами все смеялись? Позорище».

И я в это верил. Зубрил уроки. Ходил на кружки. Занимался рисованием, футболом, танцами... Футбол... Я был лучшим футболистом своего возраста во всем городе (даже получил какой-то пластиковый кубок). Наша команда разносила в пух и прах всех противников – хоть в какой-то мере, полагаю, благодаря мне. Тренер говорил: «Тебе надо попробовать себя в профессионалах». Но, как только я сказал об этом родителям, я получил ответ: «Футболист не профессия. Да и возить тебя времени у нас нет. Чтобы у тебя на столе оказалась эта еда, нам приходится батрачить, как проклятым». Я смирился и с этим. И через какое-то время полностью забросил футбол.

В какой-то момент я понял: чем меньше я буду делать, тем меньше вероятность того, что я буду что-то делать неправильно. И я перестал заниматься футболом, танцами и рисованием. Перестал ходить на кружки.

Когда я был подростком, домашние задания стали для меня чем-то слишком простым. Уделяя им пятнадцать-двадцать минут, я неустанно получал оценку «Отлично». Контрольные, зачастую, у меня списывали одноклассники. А порой, за урок я успевал решить ее не только себе, но еще и соседу по парте. И я был не против.

Сделав на коленках уроки, я шел гулять. Гулял я один. Иногда ко мне прилипал какой-нибудь тупорылый одноклассник. Мне было все равно – я просто делал вид, что его не существует.

Мне было слишком скучно со сверстниками. Возвращаясь домой, я рисовал портреты киноактрис. В какой-то момент жизни, все свои залежи портретов (их набралось больше полусотни) я начал использовать для дробки. Точнее, для вдохновения. Так звучит лучше.

Когда мне было лет четырнадцать, ко мне подошла моя учительница литературы. Кажется, ее звали Наталья Сергеевна. В руке она держала листок. Улыбалась – мило и глупо. Как и все люди. Листок этот, оказывается, был моим сочинением. Закатывая глаза и часто вздыхая, она говорила мне, что у меня есть талант к писательству. Я ответил ей, что она ошибается. А на следующий день она дала мне книжку. Достоевский. И мне понравилось.

И вот – в мой стандартный набор: уроки, прогулка, рисование, попала еще и литература. Дожидаясь того, когда уснут взрослые, я включал свою лампу и читал книги. Читал я много. Но достаточно быстро понял, что все эти книги мертвы. Мертвы и беззубы. Профессиональные писатели ворочают несколько сюжетных клише, приправляя их какими-то переживаниями и размышлениями. Никто из них правды не говорил. Я это чувствовал. И своим наивным разумом подумал: «Правду скажу я!». Я начал писать. Иногда стишки, иногда какую-то прозу. Но я уже тогда осознавал, что в своих потугах я крайне немощен. И я четко решил, что должен научиться писать. И решил поступить на сценариста.

У матери на меня были другие планы. И вот он я – сижу здесь. Экономист.

Конечно, детство мое было не столь безобразным и одиноким. В какой-то момент появились и пьянки. И девочки. Но вспоминать это все мне не очень хочется.

Было много всего. Много всего гадкого.

Да все это гадко.

Пойду-ка я отсюда.

...

Боль медленно перестает сверлить мои виски. Я слишком легко оделся – просто затянулась зима. Не очень понятно, да? Попытаюсь объяснить: обычно люди надевают теплые вещи, когда становится холоднее. Надевают футболку, когда жара. Куртку, когда колотун. Я искренне верю в то, что мир подвластен какой-то общей системе равновесия, где, надев легкое пальто, я обрекаю погоду на насильственное изменение ее в пользу тепла. Вполне возможно, что это полнейшая глупость, однако, стоит только закрыть глаза и поверить в чудо, как вдруг ты оказываешься на берегу моря, а морозный ветер превращается в приятный бриз. Все зависит от того, как посмотреть на мир. И лишь настроенная на рациональность оптика не дает нам возмож-

ности открыть люк и увидеть действительность так, как этого хотим мы сами. Действительность. Хм. Бестолковое слово.

И только крик матери разрушает идиллию.

Вообще крик матери разрушает многое. Но сейчас не об этом. Воскресное февральское солнце дает надежду. Впервые за несколько месяцев, посмотрев на девушку, не видишь в ней усталости. Солнце останавливает время, и каждое движение ее ресниц становится кинематографичным. Взмах. Один, два, три. И вот она уже кокетливо смотрит на меня. Обычная девушка – глупая или умная, красивая или не очень, все это не так важно – в это мгновение она становится прекрасна. Вот она прошла, оставляя после себя нежную улыбку на моем лице. Утраченная юность хочет грубо сломать лед моей не по годам кровожадной меланхолии. Или сломать мою бесплодную заумь. Сломать Сартра. Кафку. Сломать их всех о легкие наркотики, разнообразие в сексе, популярность в социальных сетях... Но юность моя куда слабее их всех. К сожалению. Камера заключенного выглядит крайне пусто.

Шершавый асфальт не дает упасть. Удерживает тебя и твое равновесие. Не то, чтобы я сильно желаю выстоять. Однако, шершавый асфальт все же обязывает. Каждый шаг, сделанный тобой сейчас, был уже сделан кем-то. Дорога, ведущая к смирению, всегда протоптана счастливым обреченным. Да и доступна она только обреченному.

Зайдя в метро, я вынул из кармана пальто, которое в последний раз я надел полгода назад, купюру (небольшой подарок себе самому) – к цветной бумажке пристал длинный женский волос. Ужасная картинка.

Взяв его за оба конца и растянув во всю длину, я попытался вспомнить, кому же он принадлежит – вариантов не так много. Всматриваясь в его цвет. Закрыв глаза, проведя по нему внешней стороной ладони, пытаюсь сопоставить с образами давно случившихся секунд нежности. В голову ничего не пришло. Но сам факт находки сильно меня позабавил. Пускай и безымянная и безликая женщина, она предстала прямо передо мной. Воскресив ее, я, как это делал всегда, нежно провел рукой по ее волосам. Крайне шаткое и нервное воспоминание. Она закрывает свои глаза, немного дрожа, взяв меня за ладонь. Ее она подносит к щеке. Лоснясь всем телом, она продолжает молча держать мою руку, после чего, вдруг посмотрев на меня, берет ладонь двумя руками и целует ее. Покорно наклонившись, она держит ладонь, пронизанную юными венами, у своих неумелых губ. «Прекрасно, – шепчет она, – я очень слаба, а ты меня убьешь»...

«Графомания какая-то» – подумал я. И сразу после этой мысли, она, грубо отпустив мою руку, встает, разворачивается и уходит. Я смотрю ей вслед – она идет по темному безлюдному пляжу. В руке у нее кеды. Она исчезает, оставив лишь следы своих аккуратных ступней. Вдруг сильная волна смывает и их. Поворачиваю голову. И тут море.

– Молодой человек, вы выходите?

– Да, выхожу.

Все равно я никуда не ехал. Сегодня выходной. Я ехал из дома. Просто ехал из дома. Все улицы мне и так знакомы. Вот и эта меня не ввела в замешательство. Все уже пройдено. Мало что способно меня удивить. Моя жизнь только началась, а я даже не могу написать что-то вроде:

«МНЕ ПОХУЙ НА ВАС»

Пусть я и начал книгу с этой фразы, потом я все же понял, что совсем разучился быть злым. Или разучился ненавидеть – сути это не меняет. Зайдя в кафе, я по обычаю всматриваюсь в людей. Они смеются. Смеются великолепно и непостижимо. И не зависть, и не тоска заставляет снова и снова вглядываться в их лица. Что-то другое движет мной. «Видимо, где-то рядом университет» – подумал я, поняв, что все посетители юны. Да и слишком уж шумные для измученных жизнью клерков.

Вдруг в дальнем от меня углу я увидел девушку. Грустную. Томную. Она держала в руке книгу, но за все то время, что я всматривался в ее черты, она ни разу так и не заглянула в нее. Вдруг память снова проснулась во мне. Поспешно вынув из кармана волос, я закрываю глаза и вспоминаю... Я вспоминаю ее... Грустный безучастный глаз, так никогда и не впустивший меня в свою искренность. Шаткая конструкция продолжает обрастать деталями. И вот моя ладонь снова касается ее щеки. Наклонившись вперед, эта девочка будто вдыхает аромат моих рук. Я отвожу взгляд – и вот мы уже на пустынной июльской площади в центре города – недалеко от университета, в котором мы учились. Солнце гневно выжигает жизнь вокруг. Кошки прячутся в тени машин. Движение птиц ограничивается тенью зданий. Покоренная моей любовью, юная девушка бездвижно держит мою ладонь уже несколько часов. Мы прекрасны. После ночной смены – в восемнадцать я работал грузчиком – только прикосновение к ней и давало мне смысл не выйти в окно. А следующей ночью снова вернуться к скотскому труду. Глаза мои закрываются. И вот я кладу свою голову ей на колени. Лица моего касается ее нежного хлопка старомодная юбка. Она неустанно держит мою руку у своей щеки. Сквозь сон, открыв глаза, я вижу ее юный вздернутый нос в редких веснушках. Лицо ее воинственно строго всматривается вдаль. Я не подал виду, захлопнул веки и снова уснул.

«Как это было прекрасно» – подумал я.

И вот я в кафе. Девушка, что сидела в дальнем углу, уже ушла. Как ушла и девушка, сидевшая со мной на площади. Одна ушла домой. А другая – ушла навсегда.

Но я вспомнил ее. Вспомнил все ее черты, каждое несовершенство ее души и тела. Руки ее были в шрамах. Как и мои. Забравшись в ванную, порой мы, разбив молотком стекло, пытались разрезать друг другу вены. «Мы несчастны, но счастливее мы никогда еще не были... Я люблю тебя» – шептала она. Каждый раз, осознав то, что самый близкий человек сейчас умрет, мы поспешно бежали за ватой и бинтами. Потом, в страхе, что родители вернуться раньше времени, вытирая пол от крови, мы в хохоте издевались над глупостью нашего поступка. Одиночество всегда жило в нас. Мы слишком много думали. Слишком много требовали от несправедливого мира. Секс, которым мы занялись всего раз, не принес нам никакого удовольствия. Касаться хлопковой ткани ее юбки – в этом было куда больше нежности, чем в сексе. Застряв в лифте, помню, мы просто обнимались в надежде на то, что растворимся в теле друг друга. Нам был чужд этот мир. Чужд не так, как влюбленным. Мы не были влюбленными. Мы были воинами несуществующей армии... Мы говорили: «Там, за оградой живут злодеи, шлюхи и обманщики». Люди, сломленные грубой действительностью. Но только злодейство, блядство и обман и позволяют не рухнуть этому миру. Ужасно неудобная конструкция.

Мы так и не побывали на море. Помню, как тщательно мы искали тихое побережье. Она так нежно и благодарно обнимала меня, когда, лежа на траве в каком-нибудь парке, я шептал ей: «Скоро мы будем на море. За гроши купим огромную корзину фруктов... Черешня. Я буду лежать на твоих коленях. Я буду кормить тебя спелой черешней. И ты будешь кормить меня черешней. И мы всех разьебем. Нас не съедят». Каждое слово мое вызывало у нее улыбку, а в моменты, когда мне удавалось в красках описать то, как будет выглядеть побережье, она ненадолго закрыв глаза, после – наклонялась ко мне и целовала в лобик. Немного причмокивая.

Конечно, наши возможности были скованны моей зарплатой ночного грузчика. Но нам было наплевать.

...

Я вышел из кафе. Неизбежность весны все же совращает взор своей красотой.

Сев на скамью (как я почтительно называл ночное пристанище бомжей) и, засмотревшись на прохожих, рискуешь остаться там до сумерек. Эта участь настигает меня каждый вечер. Приятное, однако, чувство. Немного праздность.

Но все же занимательно: прохожие в разнообразных нарядах. Все очень непохожи друг на друга. И очень похожи одновременно. Смеются, заигрывающе улыбаются друг другу. Самое интересное, это, когда, опомнившись после приступа безудержного веселья, приправленного вождением, парочка, которую я с жадностью изучаю, отвечает мне взаимностью. Они замолкают (это очень смешно – но я не подаю виду) и, не переставая идти, смотрят на меня, не отрывая взгляда, и синхронно выворачивают свои головы примерно на сто восемьдесят градусов. Их удивление возводится в квадрат, когда через пару часов они проходят мимо того же самого места – а я все еще сижу и все так же пристально наблюдаю за ними. Они с испуганным взглядом смотрят в ответ. И тут я уже, конечно, не выдерживаю и после нескольких секунд гляделок начинаю хохотать. Они, наверное, считают меня сумасшедшим. Уверен – так уже думает не одна сотня людей. И это лестно.

Излишне ярко кричащая юностью картина, словом, всегда сдобрена парой зрелых высоких красивых людей. Им где-то по тридцать пять лет. Оба они уже сумели чего-то достичь в этой жизни. Оба знают себе цену. Носят дорогие пальто и туфли. Они проходят мимо меня: многим бы они показались чопорными и надменными, однако я вижу их крайне красивыми и достойными. И в отличие от остальных, они никогда не посмотрят на меня с презрением или удивлением. Напротив, обратив на меня внимание, порой, они, поклонившись на ходу, улыбнуться мне. Я улыбнусь в ответ. И буду долго смотреть их изящным образам вслед. Вполне возможно, что, оказавшись наедине, они, только звякнет дверной замок, становятся пылкими и совсем еще юными любовниками. Отвергая публичное выражение любви, рискуешь сделать любовь донельзя страстной. Они это знают.

опыт, никогда не были правдой. И ты бьешься в надежде оправдать истинность своего глупого суждения, с внутренним пониманием его абсурдности в этой реальности. Или нереальности. Все это не так важно. Не кровь это и не комар. Даже если это кровь и комар – это не кровь и комар. Страх и узколобость создали их, вождедея упростить бытие. Но отсутствие – это небытие. Форма существования, где существование тел – невозможно.

Пока что ты ничего не понял. Не понял ни темноты, ни тишины. Ты извиваешься (своим несуществующим телом) в нелепых попытках сделать все удобнее и понятнее. Но это пока.

Ты пытаешься представить себе вселенную глазом, что видел лишь пыль.

Свет

Мастурбация будто разрушает систему. Мастурбация – покушение на государство и его законы. Стоит придаться ей, мастурбации, как на ближайшие четыре часа двадцать пять минут ты полностью лишен грубых людских пороков. Не приходится больше думать о мерзких плотских переживаниях человека – грудастая телеведущая больше не сможет уверить тебя в величии и незыблемости власти, не сможет кормить тебя говном: словами «свобода», «равенство», «родина». Подрочив, больше не приходится, закусив губу и пытаюсь сдержать эрекцию, рассуждать в своем отравленном человечеством сознании на тему: что же у нее там под этой юбкой.

Я сижу в метро. И, как всегда, изучаю людей. Если вдруг таймер уже пробил четыре часа двадцать пять минут, то в людях мне вдруг становятся интересны их сексуальные девиации. Извращения. Я, пытаюсь выстроить какие-то малоочевидные закономерности, начинаю соотносить свои суждения о внешности и о половой жизни объектов моего поверхностного изучения. Так женщина, уверенно и даже слишком отточено цокающая своими абсолютно обычными, но до жути ухоженными каблуками (обычно она еще одета в строгий костюм – с юбкой-рюмочкой в клеточку, пиджаком и белой блузкой) держит дома карманного мужчину. Измотанная, она, возвращаясь домой, раздраженно снимает с себя серьги, и в момент, когда она вот-вот закричит от усталости и напряжения, он на четвереньках приползает к ней. Он, встав на колени, медленно лижет ее ногу – от самых пальцев до конца чулка. После – нерасторопно снимает их. А она, повторяя «хороший мальчик», гладит его по уже появляющейся лысине. Нагнувшись, она пальцем поднимает его за подбородок (а он покорен) и, грубо поцеловав его, она опускает его чуть ниже живота (а он покорен). И обеими руками силой прижимает его к своей плоти (а он покорен). Большинство их игрушек посвящено истязанию мужчины. Да вся их жизнь посвящена истязанию этого бедного мужчины. Он хочет детей, но «это неудобно, глупец!». Готовит – он, убирается – он. Она – кормилец. Ты, конечно же, подумал, что у меня большая фантазия. Я это знаю.

Да глупости это все.

Я, немного стесняясь собственных мыслей, вдруг начинаю хохотать – эта строгая женщина, сидящая передо мной, начинает чувствовать себя неловко. Смотрит на свою серую юбку, на свой серый пиджак, трогает свою серую прическу. Все нормально. Я закрываю глаза рукой в надежде заглушить приступ истерики, вызванный слишком уж бурной фантазией. Конечно, остановиться у меня не получается. И на следующей станции я выхожу. Сев на скамейку у перрона из меня выползают остаточные частицы смеха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.